

Сопrotивление эмигрантов испанской гражданской войны

Участие в Движении Сопrotивления испанцев, эмигрировавших от репрессий после поражения в гражданской войне в 1939 году, – славная и драматичная страница, о которой известно слишком мало, поскольку она плохо вписывается в демократические и национальные схемы официальных интерпретаций.

Восстание франкистских вооружённых сил против республики в 1936 году, реакция испанского пролетариата и последовавшая за этим кровавая война с прямым и косвенным вмешательством великих держав, сталинистские репрессии против анархистов-интернационалистов и коммунистов в Барселоне в 1937 году не являются темой этого исследования, однако необходимо вспомнить как минимум два момента.

Гражданская война в Испании не была, как обычно говорят, «предвосхищением» антифашистского альянса второй мировой войны, которая началась в сентябре 1939 года (через 5 месяцев после окончания войны в Испании) с вторжения Германии в Польшу и её раздела Гитлером и Сталиным, которые теперь стали союзниками, тогда как в Испании были противниками. «Антифашистская» коалиция (США, Англии и СССР), в чём-то повторявшая расклады, существовавшие в Испании, была воссоздана лишь в момент, когда Гитлер напал на СССР в июне 1941 года, т. е. спустя почти 2 года.

Бойцы испанской гражданской войны в СССР

Именно в тот момент, пока в Испании шла гражданская война, в СССР проходили Московские процессы, в ходе которых была практически истреблена большевистская партия и многие лидеры III Интернационала. Если помнить этот факт, то можно лучше понять, почему сталинисты хотели задушить потенциальный альтернативный революционный полюс в Барселоне.

Даже граждане СССР, участвовавшие в испанской войне, несмотря на то, что они приспособились к политике Сталина, по возвращении в свою страну предстали перед судом и были расстреляны. Государственный капитализм не мог допустить риска того, чтобы подрывная практика, вновь испытанная в Испании, вернулась в СССР. После 1945 года «нахождение в Испании» стало поводом для обвинения на сталинистских судах также и в странах Восточной Европы, находившихся под контролем СССР. Во Франции, где массово укрывались испанцы, их депортировали и держали подальше от местного населения, которое они могли «заразить».

Испанские эмигранты: ещё одно Сопrotивление

*Пьетро Рамелла в книге 2003 года “La Retirada” (“Отступление”) пишет, что после падения Барселоны миллион испанцев скопились у французских границ, преследуемые и расстреливаемые самолётами (итальянских фашистов). Французскому правительству, которое первоначально их отвергло, в конце концов пришлось принять более 500 тыс. человек, но оно испытывало их долгим ожиданием и жёстко вмешивалось, когда эмигранты пели “Интернационал” в поездах, в которые их распределяли. Им предлагали репатриацию с обещанием неприкосновенности, но вернувшихся тут же расстреливали. Альтернативой было зачисление в *Иностранный легион*, от вступления в который они яростно отказывались.*

Большинство из них было отправлено в дюжину концлагерей на негостеприимных, продуваемых всеми ветрами пляжах Руссийона. Это были необорудованные места, окружённые тремя заграждениями из колючей проволоки и охраной с пулемётами. Другие лагеря, с ещё более невыносимыми условиями жизни, были организованы в Марокко, где интернированных эксплуатировали в пустыне на принудительных работах и где практиковались суровая дисциплина, тяжёлые наказания и заключение “горячих голов” в тюрьмы. Вся 26-я дивизия Дуррути (10,2 тыс. человек), которая «последней покинула Испанию», была заперта в «печально известном замке Коллиур».

Из-за бесчеловечного обращения «усилились беспорядки», и «ночью охранники не смели заходить внутрь» лагерей. Вокруг заборов бродили «местные аграрные собственники, которые нанимали самых способных за нищенскую зарплату, отбирая их словно на

невольничьем рынке». Газеты разжигали антииммигрантские кампании; желание правительства держать их подальше от французских городов было очевидным.

В лагерях сталинисты, получив от французских властей, которые считали их представителями СССР, тогда ещё их союзника, руководящие должности, исключали анархистов и коммунистов-интернационалистов из своего круга, составляя списки «нежелательных противников» для передачи полиции. Антисталинисты организовывались, и тогда происходили ожесточённые столкновения. Ситуация резко изменилась после подписания в августе 1939 года пакта Гитлера – Сталина: теперь французы считали сталинистов предателями. Естественно, интернационалисты остались для французской полиции такими же «подлецами», как и всегда.

Когда началась вторая мировая война, 83 тыс. испанцев были призваны в плохо оснащённые полки не доверявших им военных иерархов и участвовали в опасных действиях, неся большие потери. В Дюнкерке испанцы были погружены на борт последними, и на суше остались 6 тыс. человек вместе с “цветными” войсками из французских колоний. После поражения десятки тысяч испанцев были отправлены на принудительные работы, а 40 тыс. высланы в Германию, подвергшись жесточайшему принуждению, а их семьи были возвращены в лагерь для задержанных.

Генерал Де Голль участвовал в войне на стороне союзников, в том числе с войсками, находившимися в колониях. Там служили тысячи испанцев в составе 13-й полубригады Иностранного легиона. Однако многие из них после освобождения из лагерей в Северной Африке отказались воевать под французским флагом из-за перенесённого обращения и вступили в ряды англичан (которые, однако, выдавали их за латиноамериканцев!). Сталинисты только после вторжения Германии в СССР создали партизанскую организацию испанских иммигрантов, правда, исключив из неё анархистов и коммунистов-антисталинистов.

Депортированные интернационалисты

*Энрико Аччай и Илария Канселла провели исследование, касающееся добровольцев-интернационалистов из Тосканы, и смогли дать некоторые обобщённые оценки (“*Storie di indesiderabili e di confini*”, 2017). По завершении последней отчаянной битвы при Эбро в июле 1938 года интернационалисты были выдворены из Испании по решению правительства Негрина при поддержке Сталина, чтобы разыграть “советскую” дипломатическую карту по отмежеванию от этих событий на заключительном этапе войны, которая решалась в пользу фалангистов.*

Оба автора пишут, что «политика [СССР] по отношению к своим ветеранам была двусмысленной и запутанной, так как она в существенной степени была подчинена более актуальным вопросам международного уровня». «Незаинтересованность в судьбе испанских добровольцев не должна вызывать удивления, если принять во внимание, что внешняя политика была приоритетом для Советского Союза по сравнению с антифашистской борьбой». То есть, поясним мы, в те месяцы в Москве уже готовился переход от изначального союза с Францией и Англией к соглашению с нацистской Германией.

После содержания эмигрантов в импровизированных и непригодных для жизни «пляжных лагерях» в тексте рассматривается ситуация с перемещениями внутри страны. Лагерь Ле Верне считался «одним из самых жёстких с точки зрения дисциплины», а лагерь Гурс – «одним из крупнейших и самых ужасных», куда изначально были помещены тысячи анархистов из колонны Дуррути вместе с их командиром полковником Рикардо Сансом.

Однако они начали реагировать «тихими демонстрациями» по случаю таких годовщин, как 1 мая: «не нарушая строя после обращений», чтобы почтить память товарища, погибшего из-за перенесённого им издевательства; запевали «революционные песни» из казарм, в то время как сто интернированных повстанцев подвергались «избиениям, когда их заставляли пройти между рядами охранников». Реакция заключённых выливалась в массовые демонстрации, порой с использованием силы, с целью «освободить» своих товарищей, помещённых в невыносимые условия наказания.

Когда в лагерь Гурс прибыла военная комиссия для набора рабочей силы, стало ясно, что заключённые «не хотят работать на французов после того обращения, с которым они столкнулись». Некоторые интернационалисты «отреагировали с пренебрежением. За

несколько часов ситуация стала напряжённой, и начальник лагеря насчитал не менее 1.500 заключённых, находящихся на грани. Когда, пытаясь успокоить ситуацию, он решил прибегнуть к помощи своих людей в качестве посредников, реакция интернационалистов всех ошеломила: испанские ветераны хором начали петь “Марсельезу”».

Сталинисты и интернационалисты

В лагерях сталинисты взяли на себя управление, дискриминируя *«тех, кто открыто критиковал советский сталинизм»*. Но критиковавшие смогли организовать сопротивление. В Гурсе *«первыми, кто выступил против такого порядка вещей, были некоторые немецкие и австрийские троцкисты»*, и *«ситуация достигла такого уровня напряжения, что возникла необходимость сформировать автономную роту номер девять, состоящую из интернированных»*, которую нужно было держать отдельно, потому что в её состав входило 500–600 заключённых, решительно выступавших против сталинистов.

С июля 1939 года то, что началось как *«простая акция протеста»*, превратилось в *«настоящую организованную оппозицию»*, назвавшую себя Groupe d'Internationaux Indépendants (Группой независимых интернационалистов). Члены *«Девятой»* роты, *«главной характеристикой»* которой был *«антисталинизм, начали распространять призывы за пределы лагеря, чтобы заявить миру о своём существовании»*. В январе 1940 года, когда Финляндия подверглась нападению СССР, *«Девятая»* рота в этой сложной и драматичной ситуации выступила с сильным заявлением: *«У нас есть два смертельных врага», – гласило обращение, подписанное немцем Паулем Эдвардом Кохом, – “Гитлер и Сталин”»*.

Ноябрь 2023 г.

Надписи на картинках:

Международная антифашистская солидарность
26-я дивизия (Дуррути) в форте Мон-Луи